

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Под светом Колари и Нельсы

Ее самым первым детским воспоминанием был запах дыма. Едкая пыль оседала на узкой щелочке еще не до конца открывшихся глаз, заставляя заливаться ее потоками слез.

Судорожно кашляя от попадавшего в девственно чистые легкие ядовитого смога, она в панике прижалась к теплому и мягкому животу матери, ища у нее спасения и утешения. Под глубокое и ровное мурлыканье мерно двигавшийся шершавый язычок умыл ее заплаканную мордочку, пригладив, торчащую как попало шерстку. Зарывшись носиком в нежную шерстку материнской груди, она в первый раз услышала свое имя — Рандала...

Большую часть времени она спала а, проснувшись, первым делом искала губами крупный сосок матери, истекающий жирным сладковатым молоком. Еще какое-то время она жила в полной темноте — зрение просыпалось медленно, и исследовать мир приходилось на ощупь. Запахов в ее крошечном мире не было — вернее, был, но только один, награждавший ее тупой головной болью. Маленькие пальчики осторожно касались лица матери — четко очерченных скул, маленького круглого подбородка, прохладных и шершавых ноздрей носа плавно, без переносицы, переходящего в покатый лоб. Валики век прикрывали глаза, когда она случайно трогала их, то и дело, выпуская из подушечек пальцев острые коготки — осознанный контроль над ними при-шел несколько позже. Исследуя чуть приплюснутую голову, она наткнулась на торчащие островерхие уши — они постоянно находились в движении, уклоняясь от ее жадно рыскающих ладошек.

Марид рукой отвел в сторону тонкую занавесь, сплетенную из узких полосок молодой коры, и осторожно заглянул в полусумрак огромного старого дупла. Самки дружно зашипели на него, сморщив верхнюю губу и обнажив ряд острых зубов с крупными белыми резцами. Он сокрушенно покачал головой, но, тем не менее, решительно вошел внутрь. Крошки отчаянно чихали и кашляли с самой первой минуты появления на свет — от этих жутких звуков он не знал покоя уже третью ночь, ища способ облегчения их мук в сопоставлении фактов своей обширной памяти.

Яростное шипение усилилось, разнообразясь горловым рычанием — но не мог же он рисковать жизнью своих детей из-за некстати проснувшихся защитных материнских инстинктов, даже если вмешательство будет стоить ему нескольких лишних шрамов на шкуре. Он подошел к первой, самой молодой из них, Рилике, матери Киара. Тут же удар острых когтей обжег его бедро, оставив ряд длинных глубоких царапин — это она лишь предупредила его. Ни секунды не мешкая, он слегка прикоснулся испачканным в древесной смоле пальцем до ноздрей ребенка, и ловко прилепил к ним зеленый, с желтоватыми прожилками, листок. Сразу вслед за этим последовал еще один, на этот раз полноценный удар по левой руке, глубоко распоров-ший ее мышцы. Зажимая сочившуюся кровью рану, он отошел в сторону — дело было сделано. Присмотревшись к своему прекратившему кашлять и впервые спокойно задышавшему ребенку, Лирике что-то громко прошипела. Марид не нашел в произнесенных ею звуках никакого смысла, но остальные матери сразу успокоились, и уже не мешали подходившему к каждой из них по очереди отцу.

Рандала испуганно пискнула — внезапно она увидела нависший над ней огромный силу-эт. Она вытянула перед собой руки в попытке оттолкнуть протянувшуюся к ней ладонь. Рука незнакомца тоже была покрыта шерстью, правда гораздо более грубой. И потом, материнская

рука была гладкой, а эта покрыта твердыми буграми, появляющимися и исчезающими под кожей. Она что-то оставила на ее носике, а мать остановила ее ручку, попытавшуюся со-рвать со своей мордочки щекотавший ее предмет. Через минуту она почувствовала, насколько легче ей стало дышать. Вонь сменилась незнакомым приятным запахом, оставляющим ощущение прохлады и свежести. В первый раз она не забылась в сшитой из рваных кусков видений полудреме, а, спокойно заснув, видела хорошие сны.

Озабоченно разглядывающий свой надорванный бицепс, Марид выбрался наружу. Там его встретили две обеспокоено выглядевшие самки, не забеременевшие в этом цикле. Каждая из них сочувственно лизнула его лицо. Самец медленно лег на прогретый, обнаженный от коры сук. Опустившись на колени, вдвое меньше него по габаритам женщины обработали его раны тщательно пережеванной кашицей из свежих почек.

Тусклый свет ворвался внутрь дупла на четырнадцатый день — сорванная Марином занавесь полетела, кружась, к корням гигантского дерева. Другие дети едва успели, отчаянно зевая, встать на ноги, а Рандала уже бежала наружу. Ее жизнь повисла на волоске, который обязательно оборвался бы, если бы не молниеносная реакция вожака, едва успевшего поймать её, не успевшую остановиться на краю и уже падающую в пропасть. От удара по животу внезапно вы-росшей на ее пути твердой, как железо, руки, у нее перехватило дыхание: она едва успела раз-глядеть затянутый серой мглой «низ» своего мира. Отлетев назад и упав на спину, пытаясь восстановить дыхание, она впервые увидела небо.

Небо было почти таким же близким, как и земля. Оно начиналось сразу над верхушками тысячеметровых растительных гигантов, касающихся своими кронами друг друга. Сквозь ту же самую серую мглу светило мутное тускло-желтое пятно, мало похожее на ярко сверкающую Колари, о которой, как и о многих других вещах, рассказывал им Марид. Пока их матери набирались сил после долгого поста, он давал своим детям первые уроки выживания, подчас весьма жестокие. Если умение лазать, вцепляясь в каждую щелочку изборожденной трещинами коры было врожденным, то многочисленные, разные на цвет и по размеру, фрукты были для них одинаково привлекательными. Марид нещадно бил их по рукам, когда они, несмотря на предупреждение, хватались за те из них, что были ядовиты. Они быстро прибавляли в росте и весе, жизнь была беззаботна, и лишь Марид сокрушенно качал головой, глядя на сморщенные, невызревающие плоды. Он упорно тренировал силу и быстроту реакции в двух родившихся мальчи-ках, с удивлением замечая часто присоединявшуюся к ним Рандалу.

Однажды ночью ее разбудил раздавшийся снаружи страшный грохот. Тут же в проеме их жилища появились силуэты Марида и двух ее братьев, освещенные серебристым светом милостивой Нельсы. Он приказал им, девочкам, оставаться внутри и не выходить наружу, а взрослым самкам следовать за ним. Она испуганно посмотрела на мать — та лишь на несколько секунд прижала ее к своей груди, и вместе с остальными исчезла в ночи.

Марид вернулся лишь на третий день. Один. Со смертельной мукой в глазах он смотрел на перепуганных насмерть его видом детей.левой руки у него больше не было. Плечо заканчивалось обугленной плотью — он сам прижег его, чтобы не умереть от потери крови. Если бы он не был ранен, если бы не так смертельно устал, он бы ни за что не сделал этого: он взял с собой вниз Рандалу, в первый раз в ее жизни. До рассвета они осторожно спускались вниз, поддержи-вая друг друга, заткнув ноздри почти забытыми с детства листовыми затычками. До полудня они пробирались по затянутой смердящим туманом земле, ощущая

нависшую над ними безграничную массу стволов-великанов. Наконец он остановился и, запретив Рандале идти за ним, скрылся в тумане. Одну за другой он принес на спине, придерживая свой страшный груз здоровой рукой, трех самок. Рандала в ужасе смотрела на страшно обгоревшую, местами обуглившуюся мать. Пока Марид кормил их с таким трудом принесенными с собой фруктами, она, пошатываясь, не осознавая, что делает, пошла туда же, откуда только что вернулся Марид. Когда он заметил, что ее нет, было уже слишком поздно. Стоя по колено в пепле, она смотрела вверх. Обугленные павшим с неба огнем стояли деревья, окружая черной стеной выжженную посредине леса прогалину. Она смотрела вверх, потому что не могла видеть тошнотворно воняющие обугленные останки.

Выжившие умерли у них на руках. Никто из них не выдержал долгого подъема. Никто из них больше не увидел родного дома. На следующий день она вновь спустилась сюда, чтобы посадить в остывший пепел прекрасные красно-голубые цветы. Это стало ритуалом для нее на долгие годы.

Вопреки ожиданиям, их род не пресекся. На исходе каждого двадцатого появления благословенной Колари, Марид осматривал постепенно созревающих девочек. Прошел не один год, пока он, с болью в душе, не отобрал Рандалу и еще двух ее сестер. Они лежали, друг рядом с другом, на куче свежей листвы, нарванной и принесенной в это уединенное место, наполненное шорохом ветра, запутавшегося в переплетении свежих побегов. Огромный Марид стоял перед ними, разъясняя, как в детстве, суть предстоящего им испытания. Рандала внимательно слушала, и в душе полностью с ним соглашалась — больше ждать он действительно не мог, слабея все быстрее с каждым уходящим днем — и все же она была в шоке, услышав, как ЭТО будет происходить. Глубоко вздохнув, Марид расслабился, выпуская свой член из меховых ножен. Подойдя к лежащей с краю, потрясенной увиденным Рандале, он опустился на колени и принялся ласкать ее юное тело своими сильными, но оказавшимися такими ласковыми руками. Внутри она вся трепетала — опытный Марид, попеременно ласкавший ее живот, грудь, бедра, шею и лицо, пробуждал в ней инстинкт, наполняя ее влагилице густой бесцветной смазкой. Он раздвинул ей ноги и, устроившись между ними, очень медленно и осторожно вошел в нее. Она кричала. Она выла и царапалась, заставив откатиться от нее подальше испуганную сестру. Марид навалился на нее всем телом, обняв ее руками, ни на секунду не прекращая плавных мощных движений. Она кусала его в шею, грудь и лицо, он же в ответ только мерно мурлыкал и вылизывал ей шерстку на лице, как когда-то делала ей мать. Наконец острая боль прошла, сменившись тупым тянущим ощущением в паху. Марид разрядился внутри нее, и нутро Рандалы неожиданно наполнилось горячей жидкой массой. Он осторожно извлек из нее свое орудие, и она отстраненно наблюдала за белой струйкой, вытекающей из нее. Через положенный срок она в муках родила ребенка. Теперь в племени были двое мальчиков. Как уже было сказано, род уцелел. На десятый год со дня гибели матери она попалась. Они выскочили одновременно со всех сторон и двинулись к ней, ломая стебли и сминая бутоны посаженных ею цветов. Первому, самому неосторожному и наглому, она свернула шею, сильно поцарапавшись об острые наросты на чешуйчатой шее. Оставшиеся окружили ее, но Рандала еще успела сильным ударом ноги отправить в недолгий полет еще одного из нападавших. С неприятным хрустом его тело столкнулось со стволом только-только начавшего заживать свои раны дерева. Одни, затем другой, третий, дотронулись до нее концами металлических палок. Онемение охватило ее, а вслед за ним пришло и беспамятство.

Прикованная приваренными к металлической палубе кандалами, усилием воли она по-слала Гнев Колари на стоящих перед ней чужаков. Слабейшие из них рухнули без единого звука.

«Не гневайся, Великая, — прозвучали в ее разуме слова раскаяния и подчинения. — Мы не знаем, кто ты, но разделяем твои цели. Мы, родившиеся рабами, просим твоей помощи».

Передернувшись от отвращения, она приняла в себя холодный скользкий член рептилия закатила зрачки покрытых мутной пленкой глаз, и приоткрыла пасть со снующим туда — обратно узким раздвоенным языком.

«Мы замыслили смерть Господина, и уже обречены на долгие муки и смерть. Она неизбежна, хотя и отдаленна. Но этот ребенок будет жить, и даст шанс уцелеть нашему племени. Мы научим тебя всему, что знаем, и поможем отомстить, а ты выносишь его, так?»

Словно ледяное дыхание зимы наполнило ее внутренности. Дождавшись ее согласия, ящер освободил ее, и склонился перед ней, разминавшей свои затекшие конечности.

«Теперь реши, Великая, жить мне или умереть...»

Она раскрыла ему череп и выбросила тело за борт в темные глубины Океана.

— Здравствуй! Как сегодня спалось, будут пожелания, просьбы?

У Сайрона Картера за долгие месяцы вошло в привычку беседовать с НЕЙ, хотя она ни разу не показала, что ЕЙ это интересно. Он знал, что ОНА, скорее всего, понимает его, обладая телепатическим даром, но и только. Просто обыденные слова, каждый день произносимые им, помогали сохранить рассудок при работе с ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ.

Три года назад, впервые увидев планету RCX74MN на обзорном экране челнока, тогда еще совсем молодой биоинженер тут же забыл ее громоздкий номер. Его предшественником был Джонатан Сайз, специалист-биохимик, приписанный на время экспедиции к экипажу крей-сера дальней разведки «Молитва», флагмана Имперского флота, до сих пор висевшего на гео-стационарной орбите над открытой им планетой. Сейчас он держал в руках десятки раз прочитанный им первый и последний отчет, составленный Сайзом — признанный буйно помешав-шимся, он был доставлен на Землю, где и скончался в палате психиатрической клиники. Составленный профессионалом, он имел только один недостаток — он не содержал описания един-ственного разумного вида этой планеты, по совместительству также являющийся единственной животной формой жизни.

Кадры кинохроники никогда не были продемонстрированы широкой общественности, хотя бравурные слова об очередной успешной операции Звездного флота звучали из каждой щели.

... Томительно медленный отрыв от посадочного модуля с тысячами людей на борту от громады крейсера, успешная посадка, торжественный момент открытия шлюзов, заснятый автоматическими роботами. На черной почве — чистый чернозем, признанный эталоном плодородности — рос только один вид растений, который, за неимением лучшего, был назван гипер-деревьями. Взрослые особи достигали сотен метров в диаметре и умопомрачительной высоты, зачастую превышающей километр. Совершенно иная клеточная структура была, тем не менее, основана на синтезе хлорофилла. Связанные с их жизненной системой, на них жили, принося пользу или вред, уже сотни представителей флоры этого странного мира. «Растительная планета!» — решили поселенцы, и позволили себе расслабиться. Это уже потом им было доказана крайняя ксенофобия этих существ, миллионы лет знавшие только самих себя. А тогда экипаж крейсера бессильно наблюдал бойню, снимаемую все теми же беспристрастными роботами...

Он вспоминал самого себя, впервые увидевшего, что подразумевают под собой слова «удар

главных орудий», будничным тоном произносимых дикторами телеканалов. Вместе со старшим офицером, стоявшим за его спиной, он увидел на полусфере экрана столб ослепительно-белого пламени, на мгновение соединившего протонные излучатели корабля с поверхностью планеты. И он вполне понимал того, у кого при виде этого чудовищного катаклизма, превратившего в прах свое живое почти на половине всей планеты, испарившего воду и почву и на годы укутавшего ее грязно-серым покрывалом, что-то сдвинулось в голове. Человек, за всю свою жизнь так и не нарушивший главного постулата своей веры «не навреди», выхватил из кобуры командора корабля пистолет и застрелил и его, и его помощников. Всего шесть человек. Хотя решение об атаке, конечно, принимали не они.

Он не знал, смотрит ли ОНА на него, когда он на НЕЕ не смотрит, но стоило ему даже искоса бросить взгляд на существо под несокрушимым прозрачным куполом, как изумрудные, кошачьей формы глаза, без малейших признаков зрачка, тут же начинали пожирать его душу. Глядя в них, он смотрел в самую вечность.

Парадоксальная звезда с удивительным постоянством дарила свет этому миру боль 10 миллиардов лет. Ход эволюции стер в порошок всю фауну, по неведомой причине пощадив лишь носителей разума. Он воочию видел бессмертные, нет, не особи, но вида, не претерпевавшего изменений десятки миллионов лет.

Зеленые глаза смотрели на него не мигая, либо мигая одновременно с ним. ОНА подошла к барьеру и положила ладони на непреодолимую преграду. Слово выплавленное в огненном тигле из чистого золота стройное тело легко прогнулось в хребте. «Она прекрасна!» — В который раз невольно мелькнуло у него в голове.

Право же, прилетев сюда он не смел и надеяться увидеть коренного обитателя! После достопамятной трагедии никто не видел ни одного, подобного ЕЙ. В конце концов, им была санкционирована и, к счастью, одобрена идея об использовании в качестве разведчиков и сборщиков информации «янов, расы разумных ящеров. На рассвете Империи они были спасены с гибнущей от экологической катастрофы родной планеты, расплатившись изменением генетического кода, навеки превративших их в рабов. Прошел не один год, была даже крупная неудача — почти половина рептилий погибла в неожиданной засаде местных жителей. Тот бой закончился выстрелом малого излучателя, установленного на разведывательный катер, уничтожившим как победителей, так и горстку чудом уцелевших на тот момент побежденных. И вот, когда он, отчаявшись, уже был готов представить рапорт об окончании своей миссии такая удача!...

... ОНА опять смотрит на него! Ее великолепная грудь, зовущая отвесть жар живого Солнца, наливается с каждым днем! Неужели она телепат в куда большей степени, чем он предполагал? Иначе как объяснить ее соблазнительные позы, становившиеся эхом его воспаленного воображения? Эти глаза манят его... Нет, только не сегодня! Слезы потекли по его щекам. Сегодня ночью она опять придет к нему во сне, соблазнит его одним движением бедер, и будет истязать до самого утра неземными ласками... Рано или поздно он войдет к ней, или сойдет с ума...

— — —————

«Боже, какой я глупец!» — Сайрона непрерывно тошнило, пока он брел по коридору крейсера, ведущего в радиорубку крейсера, грубо подталкиваемый в спину лапой с острейшими когтями. Вся его одежда была исполосована ими, он истекал кровью, сочащейся из одного огромного пореза, в который превратилось его тело. Первой ошибкой было то, что

он все-таки вошел к ней. Второй — то, что даже под угрозой ужасающих воображения пыток, он согласился доставить ее на корабль. «Она играла с мной, как кошка с мышкой!» — Ужаснулся он, глядя на лежащие трупы экипажа с сочащейся из ушей кровью. Дойдя до нужной двери он, обмирая от ужаса, повернулся к НЕЙ...

Выпустив на волю столь давно едва сдерживаемую ярость, она убила столь ненавидимое существо, одним ударом разорвав ему горло и почти оторвав голову. Посланные ансамблем, с гиперзвуковой скоростью в эфир летели его последние слова, услышанные на каждом земном корабле и подчиненной Империи планете: «Мы, живущие под светом Колари и Нельсы, предупреждаем вас...»